

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна

ЖАНР ЭССЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГАЛИЕВА

Статья посвящена жанру эссе в современной татарской прозе. Целью работы является изучение данного феномена, особенностей его содержания и формы на примере творчества татарского писателя М. Галиева. Особое внимание уделяется содержательному аспекту, глубине рассматриваемого жанра, а также наличию особых приемов и средств, позволяющих довести до читателя исторические факты и философские умозаключения. Результаты анализа произведения М. Галиева свидетельствуют о традиционном для жанра эссе отсутствии единого сюжета, строгой единой структуры построения текста. Автор статьи акцентирует внимание на том, что повествователь выступает главным персонажем, а его чувства и переживания, эрудиция и знания становятся основным структурообразующим элементом, принося в текст движение и развитие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

METAPHORIZATION OF ABNORMAL FAMILY RELATIONS IN THE MODERN ENGLISH CHILDREN'S POETRY

Pakhomova Marina Aleksandrovna

*Saint Petersburg University
marinapakhomova@yandex.ru*

The article examines modern English children's and teenagers' poems describing abnormal family relations. The author analyzes the manifestation of these relations in the texts through metaphor which is considered in cognitive aspect – as a didactic device when the young readers get life lessons decoding metaphors in the reading process. The researcher concludes that the most frequent metaphorization techniques in such texts are absurdization and grotesque.

Key words and phrases: modern children's poetry; metaphor; cognitive theory of metaphor; semantic basis.

УДК 821.51:82-1/-9

Статья посвящена жанру эссе в современной татарской прозе. Целью работы является изучение данного феномена, особенностей его содержания и формы на примере творчества татарского писателя М. Галиева. Особое внимание уделяется содержательному аспекту, глубине рассматриваемого жанра, а также наличию особых приемов и средств, позволяющих довести до читателя исторические факты и философские умозаключения. Результаты анализа произведения М. Галиева свидетельствуют о традиционном для жанра эссе отсутствии единого сюжета, строгой единой структуры построения текста. Автор статьи акцентирует внимание на том, что повествователь выступает главным персонажем, а его чувства и переживания, эрудиция и знания становятся основным структурообразующим элементом, приносят в текст движение и развитие.

Ключевые слова и фразы: эссе; национальная проза; современная татарская литература; М. Галиев; синкретизм.

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна, к. филол. н.
*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Land_yz@mail.ru*

ЖАНР ЭССЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГАЛИЕВА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ)
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 16-14-16010.*

Современная татарская литература изобилует разнообразием форм, содержания, направлений, жанров. Писатели стремятся быть в тренде русской и мировой литературы, вместе с тем, ищут свое уникальное лицо, не перестают много и предметно говорить о национальных проблемах.

Одним из явлений, заявивших о себе на волне художественных перемен рубежа XX-XXI вв., стала необычная активизация эссе и в художественной литературе, и в литературной критике. В данной статье мы попытаемся заглянуть в суть данного феномена, выделить некоторые особенности «татарского эссе».

Теоретическую трактовку эссе, на наш взгляд, очень близкую к точной, мы нашли в работе известного отечественного литературоведа В. Е. Хализева: «эссе (фр. *essai* – попытка, очерк) – прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. Эссеистика тяготеет к синкретизму: начала собственно художественные здесь легко соединяются с публицистическими и философскими» [4, с. 356]. Если обратиться к М. Эпштейну, сюда можно внести еще большую конкретику: «В эссе соединяются: бытийная достоверность, идущая от документа, мыслительная обобщенность, идущая от философии, образная конкретность и пластичность, идущая от литературы. Эссе – частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ» [5]. Достоинством является утверждение о том, что «основными чертами эссе, определяющими его жанровое своеобразие, являются свободная организация текста и свободное развитие мысли, субъективность индивидуального видения и описания действительности» [1, с. 62].

Историю жанра в мировой литературе начинают с «М. Монтеня («Опыты». Кн. 1-3.1572-92). Разностороннее развитие он получил в журналистике, особенно английской, в 17-18 вв.» [3, с. 1247]. В татарской литературе эссе встречается в творчестве Р. Файзуллина («По тропе Тукая и Бабича», «С тонкой душой, богатырским сердцем» и др.), Р. Гаташа («Пушкин есть!», «Чувство гордости», «Поэт печали» и т.д.) [6, б. 228].

Вместе с тем татарская литература издревле знала еще одну разновидность эссе, которая в восточных литературах называлась «Сэжэгълы шигырь», в татарской – «нэсер». Данный жанр относится к лиро-эпическим, тяготея своим содержанием к поэзии, а формой – к прозе. В нем, как отмечают ученые, «основное

содержание передается как развитие чувств, отношений, представлений. В центре оказывается субъективный образ в статусе лирического героя <...> Самый активный период данного жанра в татарской литературе относится к началу XX века» [Там же, б. 127-128].

В современной татарской литературе особенно часто к эссе обращается прозаик и поэт Марсель Галиев. Одно из самых знаковых его произведений – «Рух» («Дух») является философским эссе. В нем гармоничным образом переплетаются мощные публицистическое и художественное начала. Композиционно состоит из отдельных глав, каждая из которых рассказывает об одном важном составляющем «татарского духа». Полная картина, основная идея, замысел автора вырисовываются из отдельных глубоких рассуждений о том или ином явлении татарской культуры.

Как и подобает жанру эссе, в данном произведении отсутствуют единый сюжет, строгая единая структура построения текста (главы разного объема, структурированы неоднородно, иногда внутри одной главы появляются дополнительные подглавы без заглавия), повествователь выступает главным персонажем, а его чувства и переживания, эрудиция и знания становятся основным структурообразующим элементом, привнося в текст движение и развитие. Также необходимо отметить присутствие в эссе сильной экспрессии, изобилия знаков препинания (многоточий, риторических вопросов и обращений, восклицательных знаков), художественных приемов (напр., повтор), эмоциональной лексической составляющей, что отчетливо напоминает читателю признаки жанра «нәсер»: видимо, на подсознательном уровне писатель тяготеет к классической в татарской литературе жанру.

Эссе начинается с традиционного рассуждения об особой миссии поэта-писателя, его пророческой роли в развитии человечества. Именно эта идея является ядром всего произведения, оно выделено и технически – курсивом: «*Сиңа сүз белән идарә итү, илһамлы иҗат уты бирелгән икән, бу – Күкләр ихтыяры*» [2, б. 3]. / «*Если тебе даровано управлять словом, огонь вдохновенного творчества, это воля Небес*» (здесь и далее перевод автора статьи – Л. Ю.); «*Каләм очында – галәм*» [Там же, б. 4]. / «*На кончике пера – вселенная*». В ее центре – лексема «слово», писатель рассказывает о святости, первичности, власти слова над человеческим разумом: «*Сүз пирамидаларга кадәр туган, Сүз – пирамидалардан соң да калачак...*» [Там же, б. 9]. / «*Слово родилось до пирамид, слово останется и после пирамид...*». Таким образом, само произведение начинается с определения целей и задач, которые национально ориентированы и связаны с размышлениями и трансляцией информации об истории и культуре татар при помощи «слова» – «текста». Констатируется, что на страже этнических корней и национальной культуры стоит родной язык, в нем отражается вся непростая судьба народа, и он неотделим от родной земли. «*Шушында бит ул, офыклары зәңгәр таулар белән каймаланган туган ягымда бит ул... Тәүге сүз – әнкәм сүзе – зиһенемне иркәләп уяткан*» [Там же, б. 7]. / «*Это ведь здесь, на родной земле, чьи горизонты обрамлены голубыми горами... Первое слово – мамино слово – ласково разбудило мое сознание*»; «*Кое сагында – Тел рухы*» [Там же]. / «*На страже колодца – дух Языка*»; «*Халкымның тәкъдир-язмышы – төрле дәверләрдә баш июе дә, баш чөеюе дә, әрнүле ярасы да, бәхетле куз карасы да, чая матурлыгы да, аяусыз батырлыгы да – ана телебездә чагыла!*» [Там же, б. 10]. / «*В нашем родном языке отражается судьба моего народа – и его поклон в разные эпохи, и гордо поднятая голова, и горькая рана, и счастливые глаза, и отчаянная красота, и безжалостный героизм*».

Следующее понятие, к которому обращается автор и определяет его как смыслообразующее, – это «дух лошади». В произведении отмечается, что между лошадей и татарским народом существует духовное и физическое единство. Это отразилось и в языке: предки татар дали названия с компонентом «ат», «тай» / «лошадь» территориям, начинающимся с берегов Тихого океана до Карпат, самые известные среди них – Алтай и Арарат. Здесь же можно уловить мотив боли от утраты былой славы предков, когда-то завоевавших территории от Востока до Запада: «*Атлы дәверлә, шанлы дәверлә*» [Там же, б. 14]. / «*Эпоха лошадей, лихая эпоха*»; и утраты человеческого в сердцах людей, народа вместе с почитанием лошади: «*Татар язмышы – Ат иярәндә туган поэма*» [Там же, б. 17]. / «*Судьба татар – поэма, рожденная на седле*».

Глава «Хәтер» / «Память» посвящена истории взаимоотношений народов Поднебесной с предками татар – гуннами. Автор с восхищением рассказывает о двух великих народах, культурах, живших бок о бок, перенявших друг у друга много хорошего. Для усиления связи текста с прошлым автор вводит в данную главу диалог китайских мудрецов: художественное начало очень красиво и уместно выстраивается в публицистику. Из уст мудрецов звучат самые важные мысли автора: «*Җиңел баштан начарлык кылганнарда да үч алмау, шәфкатьле, мәрхәмәтле булу – менә кайда көньяк халыкларының көч-дәрманы. Иҗстиһатлы кешеләр аларга ошауны үзенә бурчыч итеп куя. Корал өстендә йоклап, яуда үз-үзен аямыйча үлемгә бару – төньяк халыкларының кодрәте. Кыюлар нәкъ менә цундый булырга омтыла*» [Там же, б. 18]. / «*Не мстит по глупости даже тем, кто сделал плохое, – это сила южных народов. Просвещенные люди ставят себе целью быть такими. Идти на смерть, не жалея себя, спя на оружии, – это сила северных народов. Смелые стремятся к этому*».

Далее автор обращается к понятию «дух земли». В пример приводится поучительный эпизод из жизни правителя гуннов Моде. Когда его имя становится известным среди соседних народов, правитель тунгусов отправляет ему своих посланников. Те сначала просят у Моде любимую лошадь Кашкасу, а в следующий визит – его самую молодую и красивую жену. В оба раза правитель гуннов удовлетворяет их просьбу, несмотря на отговорки некоторых своих советников. Однако на земле гуннов начинается серьезная подготовка к войне. Когда послы тунгусов приходят в очередной раз и просят уже землю, Моде произносит: «*Җир – илнең нигезе! Җир – Тәңре бүләге, җир беркемгә дә бирелми! – ди, һәм юмартлык күрсәткән яраннарының башын бүкәнгә куярга әмер бирә*» [Там же, б. 25]. / «*Земля – основа государства! Земля – подарок Тенге,*

земля никому не отдается! – говорит, и приказывает отправить головы советников, проявивших щедрость, на плаху». В результате гунны объявляют войну тунгусам и полностью одерживают над ними победу. Земля по тексту становится смыслопорождающим понятием, утверждается как самое главное богатство народа. В этой же главе автор пишет о пренебрежительном отношении современных историков к кочевым народам. Здесь же утверждается философская мысль о том, что люди все по своей природе – кочевники, это проявляется и в традиции королей иметь разные дворцы (зимний, летний).

«Дух степи» – еще одно важное составляющее «татарского духа». Автор вновь обращается к истории тюрков, их славному прошлому. Однако в то же время говорит о том, что некогда пылающие жизнью тюркские степи и города сегодня под песком. Пустыни Такла-Макан, Гобе, Каракум, Кызылкум, Алашан, Талды-Курган надежно хранят секреты былой роскоши для будущих поколений, пока же все тайны под замком. В тексте есть рассказ о том, как Ак бабай – Мудрый Старец (традиционный архетипический образ, в татарской мифологии и литературе более известен как Хозур Ильяс) встречает мальчика-подростка, сидящего в тени балбалов, и говорит с ним на «языке степи». Данный эпизод вновь вносит в текст художественное начало, публицистика, философско-исторические рассуждения плавно перетекают в сказочный сюжет. В беседе дух персонажей выясняется, что старец ходит по степи в поиске мальчика для передачи ему своего уздечка. Внезапно мальчик засыпает и во сне вновь встречает загадочного незнакомца, узнает в нем того самого старца. В этот раз бабай гладит его по головке и произносит важную мысль, которая звучит как напутствие и читателю-татарину: *«Син – Атилла оныгы! Беркайчан да хәтеренңе жүйма!..»* [Там же, б. 29]. / *«Ты – внук Атиллы! Никогда не теряй память!..»*

Следующая глава «Дух Атиллы» продолжает этот разговор. История о том, как Атилла решил не разрушать Рим, связывается с легендой о волчице, родоначальнице тюрков. Увидев у ворот Рима статую волчицу, Атилла не осмелился уничтожить город – прочувствовал духовное родство между своим народом и римлянами. Однако это благородство оборачивается для него смертью. Автор рассуждает о том, что в животном мире только волки оставляют равного себе врага в живых, такими же были тюрки. Может, именно это качество, по мнению автора, привело тюрков к постепенному ослаблению, ведь враг после каждого поражения снова вставал на ноги еще более озлобленным. Во время чтения данной главы читатель с головой уходит в те события, произошедшие с предками тюрков. Эссе начинает напоминать временами исторический очерк, а временами – фольклорный эпос, последнему способствуют песни акына Баянжара, вкрапленные в текст.

Глава «Галибанэ моң» («Великая печаль») посвящена татарской песни, которая вобрала в себя печаль с невероятно богатой палитрой чувств: там и изящество китайской музыки, дыхание скифских ювелирных мастеров, слава гуннов Атиллы, душевная боль разрозненных тюрков, переживания морских волн по поводу поражения с берегов Великого Хазарского каганата, звуки наконечников булгаров, умение Хорезмских джигитов влюблять в себя наложниц из атласовых юрт, шепот пепла от костра, зажженного в степях Золотой Орды кипчаками, звук курая мамлюков, безгрешная глубина лесов от Волги до Сибири. В данной главе автор использует прием повтора, каждую новую мысль начиная со слова «Татар жырында...» («В татарской песни...»), это приближает текст к лирическим жанрам. Описывая красоту татарской музыки, автор перечисляет все печали и радости своего народа, которые были пережиты за последние тысячелетия. А вывод гласит: все испытания тюрки прошли достойно за счет искренней веры в своего Бога – Күк-Тәңре – Небо-Тенгре. Эта история любви и преданности своему Богу описывается в главе «Күктә – Тәңре, Жирдә – Каһан» («На небе – Тенгре, на земле – Каган»). Автор отмечает, что некоторые мысли для этой главы он позаимствовал из монгольского «Загадочного рассказа». Глава написана в форме монолога – последнего обращения пожилого Чингисхана к Күк-Тәңре. Великий правитель говорит о том, что, несмотря на все его могущество, безграничную власть над народами, говорящими на 120 языках и 5 разных цветов кожи, он преклоняется перед Күк-Тәңре и ни в коем случае не претендует на равенство с ним. Чингисхан рассказывает о своей жизни, которую он прожил по совести. Он отмечает, что с уважением относился к святыням, языку и культуре завоеванных им народов, создал свод законов и завещал его будущим поколениям, никогда не претворялся святым, не боялся озвучить то, что у него внутри, стал истинным защитником тех, чьи земли завоевал, не обременял непосильно высокими налогами, а нищих, законодателей, врачей, ученых, дервишей, священников и вовсе освободил от этого бремени. Здесь же великий правитель озвучивает свою мечту: *«Хыялымда мин, ике кулымны, ике якка жәеп, әле Көнчыгышка, әле Көнбатышка карап, икбез-чикбез олыс-кыйтгалар уртасында – Урал сыртында басып торам. Бер учыма ак бөркет килеп куна, икенче учыма – кара бөркет, Көн белән Төн. Шушы ике бөркетне түшкә – түш, канатка канат китереп, бер йөрәк булып тибүенә ирештерү – минем хыялым»* [Там же, б. 43]. / *«В мечтах я с распростертыми руками, смотря то на Восток, то на Запад, посередине бесконечных земель стою на хребте Урала. На одну ладонь садится белый орел, на другую – черный, День и Ночь. Моя мечта – двух орлов соединив грудью и крыльями к другу другу, добиться совместного биения их сердец».*

В главе «Жыру» («Песня») М. Галиев рассказывает историю о том, как Чингисхану приносят известие о смерти его старшего любимого сына Джучи. Автор в данной главе уделяет особое внимание роли древнетюркской «жыру» в жизни народа. Приближенный хана Великий певец сообщает печальную новость своему правителю в песенной форме. Ответ же тоже звучит в песне. Его слова были записаны персидским ученым, и они сохранились до сегодняшних дней.

Далее М. Галиев вновь возвращается к слову «дух», озаглавив следующую главу словосочетанием «Милләт рухы» («Дух нации»). Она посвящена утверждению мысли о том, что три ценности отделяют человека от животного мира: это Язык, Печаль и Память. И только если эти три составляющие вместе гармонично развиваются, при этом озаряясь светом веры в Бога, дух бывает здоровым. Автор задается вопросом: как можно

сохранить народ? В чем секрет единства еврейского народа, судьба которого схожа с татарским? Здесь же приводится в пример настораживающая сура из Корана «Агъраф», где сказано о том, что есть определенное время для каждого народа, когда настанет его очередь, он не сдвинется ни на шаг вперед или назад. Однако автор уверен в том, что где-то в священной книге должна быть сура, зажигающая огонек надежды.

Ближе к концу эссе (глава «Уятасы уйлар уяулыгы» («Осторожность мыслей для пробуждения»)) автор обращается к произведению известного французского философа Шарля Луи Монтескье «Персидские письма» (1715), который писал об отсутствии у татар своих историков. Тем не менее, и без этого о татарах было написано невероятно много, и сегодня в разных уголках мира огромное количество древних рукописей с рассказами о татарских подвигах ждут очереди быть прочитанными и стать признанными. Далее речь переходит к этнониму «татар» (глава «Шанлы исем» («Величественное имя»)), эта тема раскрывается в глубоком философском ключе. Писатель утверждает идею о том, что «*имя – это судьба <...> народ озвучивает имя, а имя возвышает народ...*» [Там же, б. 50] («*Исем ул – язмыш тамгасы <...> Халык исемне күтәрә, исем – халыкны...*»).

Последняя глава посвящена книге. Она так и называется – «Китап» («Книга»). М. Галиев в этой главе рассказывает о роли татар, сумевших сохранить Коран от Усмана (третий халиф, зять пророка Мухаммада). Глава пронизана восхвалением Аллаха и его книги, невозможностью точно перевести Коран ни на один язык мира. Здесь же автор задается вопросом, почему Аллах создал людей без крыльев, ведь они так стремятся летать. Это страстное желание летать породило поэзию и балет. Конец текста, как и его начало, заканчивается размышлением о поэте и слове. Последнее «слово», вырвавшееся из души рассказчика, является логическим завершением философского эссе: «*Далага табынып, тауларны иңсетмә, тауларга таянып, даланы кимсетмә*» [Там же, б. 61]. / «*Поклоняясь степи, не притесняй горы, поклоняясь горам, не унижай степь*».

Таким образом, в эссе воссоздается круг понятий и ценностей, которые лежат в основе «татарского духа». Эти люди, вещи, чувства невероятно сложным образом связаны друг с другом, история человечества, народа шаг за шагом, не спеша, крепко и красиво их соединила, и только их симбиоз, единение породило нечто особенное, непохожее ни на что в мире, – а именно – «татарский дух». Слово, поэзия, родной язык, родная земля, лошадь, память, наука, степь, Атилла, печаль, Тенгре, песня, Коран – это все самое драгоценное, что, по мнению автора, должно быть глубоко запечатлено в сердцах каждого, кто считает себя потомком великих тюрков. Жанровые особенности эссе, его гибкость, необремененность строгими рамками, отсутствие единого сюжета дали возможность автору высказаться, не пропустив ни единую важную мысль, в то же время не утяжеляя текст, красиво и легко осуществив художественный замысел. Произведение интересно с точки зрения жанровых особенностей: здесь можно наблюдать плавный переход публицистики в художественность, эпоса в лирику. Все это воссоединяется в одно целое с помощью ловких, детально продуманных приемов, включения диалогов и монологов различных исторических персонажей, а ведущая роль автора, его чувства, эрудиция, жизненный опыт, природные интеллект и мудрость становятся важнейшими составляющими текста. Автор словно строит диалог с историей татар на фоне мировой истории, выявляя те знаковые факты и факторы, которые позволяют читателю вывести свои умозаключения.

Список источников

1. Бочкарева Н. С., Пикулева И. А. Жанровый синтез в эссеистике Обри Бердсли («Искусство рекламного щита» и «Перспектив для Вольпоне») [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyy-sintez-v-esseistike-obri-berdsli-iskusstvo-reklamnogo-shchita-i-prospekt-dlya-volpone> (дата обращения: 03.05.2017).
2. Галиев М. Б. Рух: фәлсәфи язмалар, әдәби портретлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 560 б.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
4. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. 3-е изд-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.
5. Эпштейн М. Н. Эссеизм [Электронный ресурс] // Топос. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. № 22. URL: <http://www.topos.ru/article/2868> (дата обращения: 23.04.2017).
6. Әдәбият белеме. Терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. Казан: Мәгариф, 2007. 231 б.

ESSAY GENRE IN M. GALIEV'S CREATIVE WORK

Yuzmukhametova Landysh Nurgayanovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga region) Federal University
Land_yz@mail.ru

The article is devoted to essay genre in the modern Tatar prose. The author analyzes this phenomenon, the peculiarities of its content and form by the example of the Tatar writer M. Galiev's creative work. Special attention is paid to the meaningful aspect, the depth of the analyzed genre and the usage of special devices and means allowing the writer to acquaint the reader with the historical facts and philosophical conclusions. The analysis of M. Galiev's works indicates the absence of a single story-line, strict unified structure of text arrangement which is typical for essay genre. The researcher emphasizes the fact that narrator comes out as a main personage and his emotions and feelings, erudition and knowledge become the basic structure-formative element, impart motion and development to the text.

Key words and phrases: essay; national prose; modern Tatar literature; M. Galiev; syncretism.